

СПОРЫ И РАЗБОРЫ

В . В а ц у р о

ЕЩЕ РАЗ ОБ АКАДЕМИЧЕСКОМ ИЗДАНИИ ПУШКИНА

(Разбор критических замечаний проф. Вернера Лефельдта)

В № 33 «Нового литературного обозрения» 1998 г. напечатана статья профессора Вернера Лефельдта «Модернизация текстов Пушкина и ее последствия» с критическим анализом вышедшего в 1994 г. так называемого «пробного тома» нового академического издания Пушкина, экспонирующего принципы этого издания (в дальнейшем — Пушкин 1994). Это русская версия брошюры того же автора на немецком языке, изданной в Геттингене в славистической серии «Der blaue Turm»¹. Критика касается орфографического и пунктуационного режима издания и заканчивается выводом: «...пробный том запланированного нового академического издания во многом не оправдал ожиданий, которые исследователи творчества Пушкина связывали с ним. Не только не устраниются недостатки издания 1937—1949 гг., а наоборот, добавляются еще новые. Процитированная выше оценка Ю.М. Лотмана, утверждавшего, что по старому академическому изданию нельзя изучать язык Пушкина, относится к пробному тому в еще большей степени. Этот том представляет нам «модернизированного Пушкина», причем редакторы не позаботились о том, чтобы полностью обозначить шаги модернизации и обосновать их <...> Если все академическое собрание сочинений Пушкина будет оформлено так же, как пробный том, то это станет катастрофой для пушкиноведения»².

Будучи редактором пробного тома и в полной мере принимая на себя ответственность за осуществленные в нем принципы подачи пушкинских текстов, я не могу не приветствовать появление этой статьи. Критика «модернизации» Пушкина в академическом издании ведется в течение не-

1 *Lehfeldt Werner. Zur Modernisierung der Texte Puschkins und zu ihren Folgen. Eine kritik des Probandes der geplanten neuen Akademieausgabe der Werke Puschkins / Seminar für slavische Philologie der Georg-August Universität. Göttingen, 1998. (Der blaue Turm. Kleine Schriften für Slavistik. Hsgn. von R. Lauer, № 198.)*

2 НЛО. 1998. № 33. С. 183. Далее ссылки в тексте с указанием страниц.

скольких лет; по отношению к Пушкин 1994 она высказывалась устно и письменно — но в печати в столь откровенной и определенной форме она появляется впервые. При этом автор ее не остается в рамках чисто академического спора: он выступает на страницах журнала, обращенного к широкой филологической — и даже не только филологической аудитории, не всегда знакомой со специфическими пушкиноведческими и эдиционными проблемами, и предлагает ей свое понимание сущности и задач академического издания и свой угол зрения на Пушкина и пушкиноведение, и свой окончательный приговор, произносимый от лица «исследователей Пушкина», голосом которых он, очевидно, является. Поэтому ответ ему настоятельно необходим — не столько для него самого, сколько для этой аудитории: ей нужно объяснить и принципы, положенные в основу издания, и существо предъявленных к нему претензий, и, наконец, самые научные основания этой критики, внешне столь фундаментальной и убедительной, подкрепленной ссылками на научную литературу и обширными таблицами с построчной сверкой текстов. *Audiat et altera pars.*

1. МОЖНО ЛИ ИЗУЧАТЬ ЯЗЫК ПУШКИНА ПО АКАДЕМИЧЕСКОМУ ИЗДАНИЮ?

Начнем с вопроса о том, что такое академическое издание и в какой мере по нему можно изучать «язык Пушкина».

Язык Пушкина, т.е. его лексику, грамматику, синтаксис, можно изучать по любому изданию, даже не обязательно по академическому — и тому доказательство список литературы, который приводит в своей статье проф. Лефельдт. Классическая монография В.В. Виноградова «Язык Пушкина» вышла в свет за два года до первого тома академического собрания.

Но под «языком Пушкина» в статье проф. Лефельдта и в полемической цитате из Ю.М. Лотмана, от которой он отправляется, понимается орфография и пунктуация. Это принципиально неверно.

Орфография и пунктуация не есть «язык Пушкина», а свод общих нормативных правил передачи речи на письме, в пределах которого находится любая пишущий и печатающийся. Писатель — в особенности писатель с сильной творческой индивидуальностью — может видоизменять эти общие нормы применительно к своим творческим задачам или под влиянием усвоенных им традиций (произносительной нормы, орфографических навыков и пр.). Эти отклонения — в особенности отклонения осознанные — могут складываться в некую систему, составляющую «орфографию и пунктуацию автора».

Совершенно очевидно, что индивидуальная орфография и пунктуация может быть выделена и описана лишь на фоне общей нормы и что смешение той и другой лишает исследование всякого научного значения.

Академическое издание писателя ставит своей задачей возможно более тщательное сохранение индивидуальной орфографии и пунктуации. Но при этом оно преследует совершенно определенные цели, отличные от тех, которыми руководствуется лингвист, изучающий историю правописания. Цели эти — возможно более адекватная передача семантико-стилистического своеобразия изучаемого текста. В большинстве случаев оно передается существовавшей во времена Пушкина системой знаков препинания — и в этих случаях разногласия не возникают. Но так бывает отнюдь не всегда.

Дело заключается в том, что основной корпус пушкинских сочинений устанавливается на основании сопоставления многих и часто весьма разнородных источников. Проф. Лефельдт рассматривает только простейшие случаи: когда стихотворение имеет лишь одну прижизненную журнальную публикацию. Таких случаев у Пушкина немного. В большинстве своем его произведения имеют автографы и копии, иногда только автографы или только копии, некоторые — только черновые автографы, иные — автографы разных редакций; большинство поздних произведений — несколько прижизненных публикаций, включая авторские сборники. Вряд ли найдется человек, который, зная об этом, рискнет предположить, что во всех этих источниках орфография и пунктуация идентичны и что, например, «Сказки. Noë!» («Ура! В Россию скачет...»), печатаемый по копиям, сохраняет пушкинское правописание. Более того, всякий, знакомый с пушкинскими рукописями, знает, что некоторые написания у него неустойчивы и колеблются даже в пределах одного текста; что же касается пунктуации, то в иных черновиках она вовсе отсутствует. Ни одно издание не вправе сохранять этот разнобой, если оно вообще хочет быть изданием, а не подсобным материалом для изучающих пушкинское правописание, и ни одно издание, включая академическое, не может претендовать на сколько-нибудь полное отражение этого последнего. Любый редактор отдаст себе отчет в том, что предлагаемые им читателю тексты, наряду с правописанием Пушкина, отражают правописание журнального корректора (если текст имеет только одну журнальную публикацию), корректора или издателя книги (если это прижизненный сборник), переписчика (если текст печатается по копии), редактора посмертного издания (если печатается черновой набросок).

Отсылая брату Льву и П.А. Плетневу рукопись будущего сборника «Стихотворения Александра Пушкина», Пушкин писал им 15 марта 1825 г.: «Ошибки правописания, зн<аки> препинания, описки, бессмыслицы — прошу самим исправить — у меня на то глаз не достанет» (Акад. Т. XIII. С. 153). Это письмо Пушкина широко известно и постоянно цитируется; хорошо известно оно и проф. Лефельдту. Однако он его не цитирует, а цитирует старую статью В.И. Чернышева о принципиальной возможности изучать орфографию Пушкина по печатным текстам, — статью, давно опровергнутую Г.О. Винокуром, в отличие от Чернышева, изучавшим пушкинские рукописи. Точку зрения Винокура проф. Лефельдт обходит совершенно, упоминая его работу лишь в библиографии. Спор Чернышева и Винокура резюмирован в преамбуле к комментарию Пушкина 1994 (с. 512–513), — и самая точка зрения, изложенная нами выше, не является нашим изобретением, а лишь развитием и конкретизацией аргументов Винокура. Их-то и должен был бы рассмотреть и отвести проф. Лефельдт с фактами в руках, а заодно дезавуировать и письмо Пушкина — но он предпочел уклониться от обсуждения вопроса по существу и воздвигнуть заслон из позднейших цитат декларативного свойства.

Не будем умножать доводы: сказанного, по нашему мнению, достаточно, чтобы обосновать утверждение: издания, по которому можно было бы изучать орфографию и пунктуацию Пушкина (как, впрочем, и любого другого писателя) не существует и существовать не может. Их можно изучать *только по рукописям*. Изданные сейчас факсимильные воспроизведения рабочих тетрадей Пушкина открывают для этого невиданные ранее возможности.

Когда проф. Лефельдт оговаривается: «Стихотворения, которые напечатаны по рукописи, <...> остаются вне нашего поля зрения» (с. 162), — он сразу же ставит под сомнение все свои конечные выводы — и, как мы увидим далее, не напрасно.

2. УНИФИКАЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Вопрос об унификации правописания в академическом издании тесно связан с вопросом о его «модернизации». Собственно говоря, это тот же вопрос, но поставленный в историческую перспективу.

Все современные издания классиков печатаются по новой орфографии, установившейся с реформой 1917/18 года.

Первый вопрос, который возникает в этой связи: считают ли критики академического издания Пушкина возможным применение этого орфографического режима к академическим изданиям вообще?

Проф. Лефельдт не формулирует своей позиции прямо. Она выясняется из его исследовательских предпочтений и критических анализов. Одним из основных его ориентиров является издание «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина в серии «Литературные памятники» (1984), которое якобы показало «плодотворность издания текстов без унификации» (с. 162).

Здесь как-то неудобно напоминать критику о вещах, для текстолога совершенно элементарных.

«Письма русского путешественника» — единый текст, имеющий своим источником только печатные публикации (рукописи не сохранились), причем текст, издававшийся самим автором, вплоть до чтения корректур. «Унификация» в нем была произведена изначально. Если уж говорить о Карамзине, то было бы любопытнее выслушать рекомендации проф. Лефельдта о случае более сложном, с которым неизбежно столкнется будущий издатель академического Карамзина, — например, о тексте записки «О древней и новой России...», который устанавливается сопоставлением копий разного времени и достоверности. Какой режим правописания он здесь предложит и как обойдется без унификации?

Но этого мало. С сожалением вынуждены констатировать, что самая ссылка на издание «Писем русского путешественника» 1984 г. находится в явном противоречии с тем, что пишут его издатели. Вот что сказано здесь в специальной статье «Текстологические принципы издания»: «Последовательно проведена замена устаревших и отсутствующих в современном алфавите букв на их нынешние адекваты. Так, заменяется ѣ на е, ѓ на ф, і на и. Равным образом устраняется њ на конце слова. Окончание родительного падежа единственного числа прилагательных *-ого/-яго* везде заменено на *-ого/-его*. Во всех случаях в соответствии с современными орфографическими правилами написания типа *разказ, разстался* и т.п. заменяются на *рассказ, расстался*.

Эта модернизация орфографии осуществляется автоматически и потому не может служить препятствием для реконструкции в нужных случаях подлинных написаний Карамзина»³.

О том, в какой мере по изданию «Писем...» можно восстановить подлинную орфографию Карамзина, мы еще скажем ниже. Сейчас нам важно

3. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Изд. подготовили Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л., 1984. С. 517.

другое. Говоря об опасностях модернизации в подаче текста, проф. Лефельдт совершенно упускает из вида другую — не меньшую, а может быть, большую опасность — его архаизации. Она не возникает, когда произведение издается фототипически и читатель имеет дело с целостной системой передачи текста, принимая ее «правила игры». Но нельзя адресовать книгу современному лингвистическому сознанию — опуская «ять», «фиту», твердый знак в конце слова, меняя падежные окончания прилагательных «-аго» на «-ого» и сохраняя при этом — выборочно! — типовые элементы старой орфографической и пунктуационной системы, какими бы историческими соображениями это ни оправдывалось. Они будут неизбежно прочитаны как индивидуальные особенности стиля. «Мужчина» и «счастье» на фоне новой орфографической системы воспринимаются как архаизмы, присущие стилю Карамзина. Формальная историческая точность оборачивается искажением целого.

К пушкинской эпохе это относится в еще большей степени. Никакого стилистического различия между, например, «счастьем» и «счастьем» (пример, столь полюбившийся проф. Лефельдту) в это время усмотреть невозможно; написание зависит от орфографического навыка. Пушкин обычно писал «счастье», но спокойно принимал новый орфографический вариант: «счастливой любви» стоит в копии послания «К молодой вдове» в Лицейской тетради, и Пушкин, правя стихотворение, оставил эту форму без изменения; то же произошло и в копии «Элегии» («Когда пробил последний *счастью* час...»). Число примеров легко увеличить и по печатным сборникам. Ссылка же в этой связи на «Дурацкий колпак» В.С. Филимонова, где якобы подтверждается нормативность написания «счастье» в 1820–30-е годы, есть прямое недоразумение, ибо Филимонов говорит как раз об обратном: о своем намерении сохранить старое написание, несмотря на утвердившуюся форму «счастье».

Оставим, однако, частности — иначе нам придется оспаривать едва ли не каждое утверждение проф. Лефельдта. Обратимся к более сложным случаям модернизации (архаизации) орфографии. Один из них нам дает издание «Писем...» Карамзина 1984 г. В нем сделана попытка сохранить окончания прилагательных «-ой» в им. пад. ед. числа в тех случаях, когда они имеют стилистическое и смыслообразующее значение. Основание к тому дают, в частности, корректуры издания «Писем...» 1814 г., правленные Карамзиным. В текстологической преамбуле анализируется пример такой правки: «Карамзин пишет: “Разумовский, человек ученый и великий натуралист”. *Великий* употреблено здесь в значении типа «великий знаток», но окончание *-ий* придавало в сознании Карамзина слишком большую торжественность выражению — назвать Разумовского великим ученым было никак нельзя. В корректуре издания 1814 г. Карамзин исправляет правописание на *-ой*. <...> Однако *великой* зазвучало для него иронически, чего Разумовский никак не заслуживал. Карамзин вышел из затруднительного положения, вообще отказавшись от спорного прилагательного — в издании 1820 г. стоит просто: “Разумовский, ученый натуралист”» (указ. соч., с. 522).

Это рассуждение кажется нам слишком шатким основанием для каких бы то ни было дифференциаций. Почему окончание «-ий» звучит торжественно, а «-ой» — иронически? Почему замена «великий» на «ученый» есть результат колебаний между окончаниями, а не семантическое уточнение

самого эпитета? Все это весьма субъективно и гипотетично. Если же мы обратимся к своду вариантов в издании 1984 г., то обнаружим, что в двух журнальных публикациях, изданиях «Писем...» 1797 и 1801 гг. и в «Сочинениях» 1803 и 1814 гг. эта фраза читалась: «человек ученой и великой натуралист» (указ. соч., с. 433). Карамзин, скорее всего, просто исправлял опечатку или то, что ему казалось опечаткой, а приписанное ему стилистическое толкование морфемы полностью принадлежит издателям.

Но здесь возникает и другой вопрос. Уже В.В. Сиповский, сличавший тексты «Писем...» в изданиях 1803 и 1814 гг., отмечал, что в последнем «Карамзин впервые вводит в громадном числе форму имен прилагательных на *-ий* (вм. *-ой*); напр., *желаемый, достойный, любезный* и др.»⁴. Если в глазах издателей смена орфографии здесь имела семантико-стилистический характер, то вся эта масса изменений должна была найти отражение в вариантах. Ничего подобного мы в издании не находим. Основания отбора в каждом отдельном случае остаются неясными, и появление в основном тексте того и другого окончания на равных правах производит впечатление простой небрежности, которую проф. Лефельдт склонен приводить в пример исторической точности.

Случай, рассмотренный нами, довольно типичен и для пушкинского времени: это пример исторического движения орфографических норм, и по-видимому проблема унификации здесь должна решаться по-разному для разных исторических эпох. Но нам пора, следуя примеру проф. Лефельдта, перейти к общему обзору зафиксированных им случаев модернизации правописания в издании Пушкин 1994 и проверить его выводы.

К рецензии проф. Лефельдта приложены таблицы построчного сравнения текстов в издании 1994 и в первых журнальных публикациях. Для анализа выбраны три стихотворения: «Воспоминания в Царском Селе», «Наполеон на Эльбе» и «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году». Мы возьмем для анализа самую обширную и репрезентативную из этих таблиц — «Воспоминания в Царском Селе» — и выпишем из нее вначале все случаи «модернизации орфографии», расчленив и сгруппировав материал — т.е. сделаем то, что должен был сделать критик, разбирающий вопрос по существу. Получаем следующую картину.

Заменяются на современные:

1. Архаические написания слов с удвоенными согласными в корне, твердыми и мягкими корневыми согласными, передача начального звука в слове «счастье»:

алеи (11), в кристале (14), щастливая (31), Руския (74), Руской (105), Рускому (125), щастья (149), во тме (168) (в скобках — номера строк)

2. Написание заглавных и строчных букв:

Наяды (19), Жены (род. пад. ед. ч.; 30), Исполины (53), Героям (63), Царя (70), Руския (74), Царя (96), Руской (105), кремля (112), Рускому (125), Вельможей (126), Царей (126), Он («Росс»; 159), Внук (внук Екатерины, т.е. Александр I; 161), Аонид (162), Славянской (163), тобою (после восклицательного знака, как начало нового предложения; 166), Герою (173)

3. Написание частиц и наречий:

се-ль (24), еСТЬлиб (165), на лиреб (167)

4. Устаревшие написания слов с приставками *из-*, *воз-*, *раз-*:

Изчезло (36), Безсмертны (53), Возстал (71, 91), Возтрепещи (93), беспечности (115), Изчезли (126), изтребил (127), Изчез (152), возсиял (168)

⁴ Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. С. 229.

5. Написание окончаний прилагательных: *-ой* в им. пад. ед. и *-ья* в им. пад. множ. ч.:

Прекрасной (26), Царско-сельской (26), златья (29), протекшия (39), тяжкия (45), громовья (45), седья (47), громкой (57), новья (67), Руския (74), мирныя (вин. пад.; 77), дремучия (79), бледныя (83), Руской (105), небесной (107), Бородинския (110), кровавья (110), страшной (152), военной (157), чудесной (165), вдохновенной (169)

6. Окончание *-аго/-яго* прилагательных в род. пад. ед. ч.:

грознаго (46), смертнаго (68), венчаннаго (70), сильнаго (107), браннаго (176)

7. Окончание существительных в творит. пад. с корневым шипящим:

лучем (108), мечем (151)

8. «И» десятеричное (і) в слове «мир» в значении «свет, вселенная».

9. Архаические написания имеет собственных: «Елизиум» (25), Румянцов (59).

10. Форма «одне» заменяется на «одни» в соответствии с рифмой («стороны») (124); «ночи» на «нощи» в соответствии с рифмой («рощи») (133).

11. Суффикс в парадигме спряжения глагола «дышать» («дышит», у Пушкина «дышет» — 6).

Позиции 1, 3, 4, 6, 7, 8 специальных примечаний не требуют. Сосредоточимся на тех, которые явились предметом обсуждения в рецензии.

Начнем с позиции 5.

В беловом автографе «Воспоминаний в Царском Селе» из бумаг Державина, о котором нам далее придется говорить специально, находим: «дремучие» (79), «небесный» (107), «вдохновенный» (169). Еще более разнородная картина открывается перед нами в копии т.н. «тетради Всевожского», по которой печатается вторая редакция стихотворения. Здесь читаем: «Не сель Елизиум полнощный Прекрасный Царско-Сельский сад, Где льва сразив почил орел России мощной» (24–26), «страшной» (152), «военной» (157), но «небесный» (107) и «вдохновенный» (164), как в беловом автографе первой редакции⁵.

Все эти написания унифицированы в журнальной публикации, по которой проф. Лефельдт призывает изучать орфографию Пушкина.

Этот крошечный пример почти символичен: он наглядно показывает всю субъективность стилистических толкований окончаний и ставит под сомнение всякие статистические их подсчеты, сделанные не по рукописи.

На его фоне рекомендация проф. Лефельдта не имитировать в академическом издании орфографическое единство и «облегчить современному читателю» поиски пушкинских отклонений от нормы (с. 169) выглядит почти забавно. Издание, построенное на таких рекомендациях, — вообще не издание. Это, как мы уже сказали, подсобный материал для читателя, занятого поисками отклонений от орфографических норм.

Между тем, глядя на проблему почти исключительно с точки зрения орфографии и орфоэпии, критик совершенно упустил из вида гораздо более серьезное возражение, которое он мог бы сделать. Принято считать (опираясь на слова самого Пушкина), что поэт решительно отрицал распространенную во французской поэзии зрительную рифму, основанную на графическом тождестве окончаний. Между тем тенденция к сочетанию звуковой и графической рифмы в некоторых случаях у него прослежива-

5 См. публикацию данного текста с сохранением этих особенностей орфографии: *Летописи Гос. лит. музея. Кн. 1. Пушкин. М., 1936. С. 25–28.*

ется, что может быть подтверждено и рукописями, и сличением текста в поздних сборниках⁶. Здесь требуются специальные оговорки в комментариях. И в таких же оговорках нуждаются омоформы, допускающие разные толкования текста. На один подобный случай — характеристику Фонвизина в строфе XVIII первой главы «Онегина» «сатиры смелой (смелый?) властелин» — обратил внимание проф. Лефельдт; вопрос о том, к чему относится эпитет — к «сатире» или «властелину», уже был предметом обсуждения в научной литературе⁷. Совпадения разных падежных форм в окончаниях прилагательных обычны для орфографии пушкинского времени; они чаще всего не останавливают внимания и заявляют о себе лишь тогда, когда форма требует прояснения: так, в стихотворении «К живописцу» двусмысленна строка «Надежды робкия черты» («робкой надежды» или «робкие черты?»); в стихотворении «К сну» (в поздней редакции «К Морфею») неясна строка «Разлуки грустной (или грустный?) приговор» (в вариантах также «страшной» или «страшный») — и лишь в поздней редакции грамматическая форма проясняется самой семантикой: «Разлуки вечной приговор». В «Осеннем утре» подобное же затруднение представляет сочетание «образ незабвенной» («незабвенный» или «незабвенной?»). Каждый раз текстолог вынужден интерпретировать текст, и иногда условно; он должен быть готов к тому, что его толкование будет оспорено, но он не вправе уходить от него, ссылаясь на пушкинское написание, и предлагать читателю самому выбрать удобную ему форму. Такая толерантность — лукавство: ведь не предлагает же издатель читателю самому прочесть пушкинский черновик, также допускающий разные толкования!

Любая смена орфографических режимов влечет за собой неизбежные утраты — будь то медленная историческая эволюция или резкая системная замена. Выявление этих утрат часто сложно и почти всегда гипотетично. Мы не понимаем, например, как можно реконструировать пушкинские фонемы, не зная, как звучали его стихи в живом чтении, т.е. не представляя себе степень редукации заударных: по некоторым сведениям, Пушкин читал стихи в «гнедичевской» сценической, ныне не существующей манере. Но дело даже не в этом. Реконструкция требует особой осторожности; последствия ее менее очевидны, но более фатальны, нежели модернизации и унификации: мы рискуем создать произвольную эклектическую систему правописания, соединяющую общее и индивидуальное, случайное и закономерное, ошибку и сознательный прием, — наконец, пушкинское и непушкинское. В этом случае потерять лучше, чем приобрести.

Перейдем теперь к рассмотрению позиции 2 — «Написание заглавных и строчных букв». Оно также позволяет поставить и некоторые общие вопросы.

Проф. Лефельдт ссылается на соображения А. Шене, редактора «Фауста» Гете: «...исправление прописной буквы на строчную в соответствии с современными нормами часто приводило бы к потере смыслового выделения данного слова». Критик предупреждает об опасности «прогрессирую-

6 См. об этом замечания Л.С. Сидякова в его статье «К проблемам пушкинской текстологии: Из наблюдений над стихотворениями Пушкина 1830–1836 годов» (Пушкин и другие. Сб. статей к 60-летию проф. С.А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 15 и сл.).

7 См.: Берков П.Н. «Смелый властелин» или «смелая сатира»? (К текстологии строфы XVIII главы первой «Евгения Онегина») // Русская литература. 1962. № 1. С. 60–63.

щего искажения пушкинских текстов», оговариваясь, впрочем, что он не призывает к буквальному воспроизведению источника, а лишь к взвешиванию каждой детали «с точки зрения возможных последствий» (с. 163). С последним утверждением мы совершенно согласны; но как раз позиция 2 дает нам и весьма выразительные примеры негативных последствий формальной «исторической точности».

В пушкинское время прописная буква постоянно употреблялась, например, для обозначения национальной принадлежности (Китаец, Американец, и т.п.). Как и «обозначения лиц высокого ранга», пользуясь формулировкой издания 1937—1949 гг., это была чистая орфографическая условность, ни в коей мере не отражавшая индивидуального правописания. В индивидуальных вариантах написания мы нередко встречаем у Пушкина неустойчивое и не поддающееся сколько-нибудь убедительному толкованию написание существительных с прописной и строчной буквы в пределах одного текста. Ср. в тетради Всевожского:

Где наша Роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари⁸.

В копии т.н. «Лицейской тетради» — основном источнике лицейских текстов — иначе:

Где наша роза?
Друзья мои?
Увяла роза...

Предпоследний стих здесь читается «И на лилею»; в тетради Всевожского — «И на Лилею».

В «Воспоминаниях в Царском Селе» в первопечатном тексте «Исполнины», в автографе «исполнины» (53); в публикации — «великия Жены», «Вельможей», «Внук Екатерины» (30, 126, 161), в рукописи — «Великия жены» (тетр. Всевожского), «вельможей», «внук Екатерины» (автограф).

Число примеров можно умножить многократно, но уже и приведенных достаточно, чтобы заключить, что рекомендации точно следовать в этом случае источнику — плод простого незнания с источниками. В строке «Увы! на башнях Галл Кремля», привлекая внимание проф. Лефельдта, слово «Кремля» пишется со строчной буквы и в автографе, и в первой публикации. Сохранить же ее в современном издании означает исказить смысл строки. «Кремль» со строчной буквы — это крепость внутри города, имя нарицательное; «Кремль» в «Воспоминаниях...» — имя собственное, московский Кремль, символ столицы и государства в целом — что и определяет патетическую интонацию горестного восклицания.

Здесь возникает, однако, проблема, которую не всегда удается разрешить с полной уверенностью. «Воспоминания в Царском Селе» — произведение с сильной печатью одической поэтики. В таких произведениях возрастает роль персонификаций и аллегорий, которые требуют начальной прописной буквы. Выделить из традиционных написаний, где прописная буква ставится автоматически, аллегорические обозначения и понятия, где она семантически нагружена, иногда бывает чрезвычайно затруднительно, но делать это необходимо, хотя бы с известной степенью вероятности, — в

8 Летописи Гос. лит. музея. Кн. 1. С. 15. Ср. факсимиле там же. С. 16/17.

противном случае мы рискуем привнести в текст те же, уже обозначенные нами, дополнительные и чуждые ему значения. Поэтому в строках «И быстрым понеслись потоком Враги на русские поля» «русские» следует писать со строчной буквы (на слове не лежит смысловой акцент), а в строке «Сразились. Русский — победитель! И вспять бежит надменный Галл» заглавная буква в слове «Русский» сохранилась бы вне зависимости от знака (аллегорическая персонификация с оппозицией «Русский-Галл»). При этом «Воспоминания в Царском Селе» — сравнительно простой случай; значительно сложнее, например, вычленение аллегорических понятий в «Безверии» и подобных ему стихах, где постановка прописных букв всегда будет более или менее проблематичной. Но наилучший выход из положения — пытаться соблюсти формальную «точность», принеся ей в жертву самый смысл издаваемого текста.

Самым ярким примером такого рода является требование проф. Лефельдта сохранить в основном тексте «Воспоминаний...» глагол «улились» в стихах «...валы седые В блестящей пене улеглись». «Улились» вместо «улеглись» читаем в публикации «Российского музеума».

Эта замена является для критика образцом редакторского вторжения в текст и поводом для гневно-иронических инвектив в адрес «филологической критики». «Совершенно непонятным остается тот факт, — пишет он, — на каком основании без всяких комментариев пушкинский глагол улились (48; см.: «Кругомъ подножя, шумя, валы съдыя / В блестящей пнѣ улились.») был изменен на улеглись» (с. 177).

Комментарий здесь, вероятно, нужен. Добавим критику еще один аргумент: в тетради Всевожского, важнейшем источнике пушкинских текстов, в копии «Воспоминаний...» также стоит «улились».

Между тем, ни в языке Пушкина, ни в литературном языке пушкинского времени нет возвратного глагола «улиться». Он зарегистрирован в «Словаре современного литературного языка» с пометой «простореч.» и со значением «обливать, поливать себя обильно» («уливаться слезами, горько плакать, обильно проливая слезы»)⁹. В таком значении он появляется в словаре Соколова 1834 г. «Словарь Академии Российской» знает глагол «уливать» в значениях «поливать» («уливать гору водою») и «убавлять несколько от излишнего» («улей из стакана воды»)¹⁰. Для пушкинской поэтики «валы... улились» — вызывающий неологизм, тем более в стихотворении 1814 года, назначенном к официальному чтению.

Никто из издателей Пушкина не сохранял этой строки в редакции «Российского музеума» — ни П.В. Анненков, пользовавшийся рукописью, с которой набирался сборник «Стихотворения Александра Пушкина» 1826 г. (в последний момент Пушкин исключил это стихотворение из сборника), ни Л.Н. Майков, в руках которого был автограф, ныне утраченный, где впервые появилось чтение «улеглись». Но сохранился и источник, который решает вопрос окончательно. Это копия стихотворения, сделанная, по-видимому, лицейским товарищем Пушкина Ф.Ф. Матюшкиным, правленая самим поэтом (ныне — ПД, ф. 244, оп. 1, № 4). В ней рукою Пушкина зачеркнут первоначальный вариант «поднялись» и сверху вписано «улеглись»; слово читается с совершенной несомненностью. Последнюю

9 Словарь современного русского литературного языка. Т. 16. У-Ф. М.; Л., 1964. С. 539.

10 Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Часть VI, от С до конца. СПб., 1822. С. 950.

оговорку делаем потому, что лигатура «ег» в «улеглись» у Пушкина похожа на «и» (что хорошо видно на автографе из бумаг Державина).

Именно так ее и прочли в редакции «Российского музеума».

Заметим кстати, что большинство лицейских стихов Пушкина напечатано в этом журнале крайне небрежно, с ошибками, искажающими текст. Так, в «Городке» прилагательное «удалова» превращено в фамилию («Удалова»), в послании «К Лицинию» набрано «Лицинию» вместо «Ветулию», что совершенно исказило смысл строки, в послании «К Батюшкову» вместо «бессмысленных поэтов» стоит «бесчисленных поэтов» и т.д. и т.п. Этот список легко пополнить по изданию Пушкин 1994. Сообщаем это для сведения исследователей Пушкина, изучающих его язык по первым журнальным публикациям и считающим филологическую критику текста праздным занятием.

«Улились» — ошибка набора, которую Пушкин исправить не мог: корректуры из Москвы лицеистам, понятно, не присылались. В тетради Всеволожского она, вероятнее всего, восходит к журнальному тексту.

Что же остается в результате впечатляющего списка «модернизаций»?

Очень немногое, но даже и это немногое не может быть принято безоговорочно. Возможно, в Академическом издании придется еще раз вернуться к написанию глагола «дышать» («дышет» и «дышит», «дышут» и «дышат»), ибо это проблема не орфографии, а морфологии. «Словарь Академии Российской» допускает обе формы как равноценные; в современных словарях форма «дышешь, дышут» снабжается пометой «устар.». У Пушкина — в особенности в лицейских стихах — явно преобладает написание «дышешь, дышут» (по парадигме 1-го спряжения), но встречается и утвердившееся позднее «дышит, дышат». Академическое издание 1937—1949 гг., а вслед за ним и «Словарь языка Пушкина» отразили эту неустойчивость в формах спряжения глагола, и возможно, что в этом случае отказ от унификации оправдан.

3. МОДЕРНИЗАЦИЯ ПУНКТУАЦИИ

Перечень отступлений от журнального текста в знаках препинания, уличающий редакторов Пушкин 1994 в произволе и пренебрежении к пушкинскому творчеству, занимает львиную долю «табличного сравнения» «Воспоминаний в Царском Селе».

Как и в случае с орфографическими уликами, проф. Лефельдт не дифференцирует материал. Появление точки в середине строки, тире, подчеркивающего длительность паузы, или выделение запятыми деепричастного оборота равноценны в этой игре в статистику; последний случай даже более криминален, ибо регистрируется под двумя номерами (каждая запятая — номер).

Между тем очевидно, что знак знаку рознь, и они по-разному воздействуют на интонирование и самое понимание текста.

Издавая произведение для читателя, редактор обязан пожертвовать интересами коллекционера грамматических ошибок и расставить запятые между однородными членами предложения, если они отсутствуют в рукописи или первопечатном тексте. От него требуется особая осторожность при введении знаков не нейтральных — восклицательного и вопросительного, тире или многоточия. При этом необходимо учитывать изменившиеся зна-

чения старых знаков. Двоеточие в пушкинское время очень часто означало паузу, большую, чем при запятой, меньшую, чем при точке, — соответствующую современной точке с запятой. Сохранять его в современном издании в этом значении недопустимо: это означает толковать фразу как содержащую уточнение, конкретизацию или причинно-следственные отношения, т.е. искусственно интерпретировать текст. Отсюда и поиски знаковых эквивалентов, о чем сказано в текстологической преамбуле в Пушкин 1994.

Добавим к этому один пример, показывающий наглядно, как буквальное соблюдение пунктуации источника влечет за собой консервирование ошибки первопечатного текста. В первой и единственной при жизни Пушкина публикации «Кольны» (Вестник Европы. 1814. № 14) читаем:

Гряди во мрак лесов дремучих,
Где Крона катит черный вал,
Шумящей прохладен осиною.
Там ряд является могил;
Там с верной, храброю дружиной
Полки врагов я сокрушил.

Именно так печатали эти стихи издатели Пушкина и имели на то основания: такое чтение поддерживается и копиями. Между тем, в журнальной публикации знаки препинания расставлены неверно, и это приводит к алогизму.оборот «шумящей прохладен осиною» не может относиться к «черному валу» стремительно текущей холодной северной реки. Он относится к «ряду могил» в тени осины, над которыми Тоскар должен воздвигнуть надгробие как памятник победы над врагами. Ныне эти могилы преданы забвению и запустению; осина — «дикое» дерево северных джунглей. Мотив «дерева над могилой» характерен для пушкинской лирики; он появляется как в ранних «оссианических» стихах (ср. в «Осгаре» — ива и клен над могилами Осгара и павших воинов), так и в более поздних. Над гробом Анакреона растут мирты («Гроб Анакреона», 1815). Гробница юноши осенена старой липой («Гроб юноши», 1821). Над «важными гробами» предков, «колеблясь и шумя», возвышается дуб («Когда за городом, задумчив, я брожу», 1836). В «Кольне» необходима пунктуационная конъектура: «Где Крона катит черный вал. Шумящей прохладен осиною, Там ряд является могил».

Ограничимся пока этими разъяснениями и перейдем к самому перечню того, что проф. Лефельдт считает модернизацией пунктуации. Для этого выпишем из его таблицы полностью этот перечень и добавим к ней еще одну графу: учет подлинных пушкинских знаков препинания по беловому автографу «Воспоминаний в Царском Селе». На этот автограф нам уже приходилось ссылаться; он был поднесен Пушкиным Державину и сохранялся в его бумагах; ныне он находится в Пушкинском Доме и имеет шифр: ф. 244, оп. 1, № 5. Это последняя доредакционная редакция, несомненно, сохраняющая орфографию и пунктуацию самого Пушкина. Автограф этот издан факсимильно в альбоме: Рукописи Пушкина. 1. Автографы Пушкинского музея имп. Александровского лицея. СПб.: Изд. князя Олега Константиновича, 1911. Вып. 1 — и для знакомства с ним не нужно обращаться к пушкинскому рукописному фонду. Результат сличения будет следующим.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Первая публикация: Российский музей. 1815. № 4. С. 3—9;
Пушкин 1994. С. 59—62; белой автограф: ПД, оп. 1, № 5

1815	1994	Автограф
7 величавый	величавый,	Как в 1994
10 вокруг;	вкруг.	Как в 1994
12 луг.	луг;	Как в 1994
14 вод,	вод;	Как в 1815
15 горделива,	горделива	Как в 1994
16 цветет,	цветет.	Как в 1994
22 опершись	опершись,	Как в 1994
27 Где	Где,	Как в 1815
32 тишины.	тишины!	Как в 1994
37 И	И,	Как в 1815
38 слух;	слух.	Как в 1994
39 пред очами	пред очами,	Как в 1815
41 видит:	видит,	Как в 1994
51 О	О,	Как в 1815
54 непогод;	непогод!	Как в 1994
61 похищали.	похищали;	Как в 1994
62 подвигам	подвигам,	Как в 1815
62 страшась	страшась,	Как в 1815
67 военные:	военны;	Как в 1994
68 Страдать	Страдать —	Как в 1994
72 заря;	заря.	Как в 1994
76 земля,	земля;	Как в 1994
79 укрывают	укрывают,	Как в 1815
81 Идут;	Идут —	Как в 1994
81 препоны;	препоны,	Как в 1994
85 непрестанно,	непрестанно	Как в 1994
87 туманной...	туманной!	туманной! —
88 мечи!	мечи!..	Как в 1994
91 млад,	млад;	Как в 1994
92 возжены. —	возжены.	Как в 1994
95 цель:	цель	цель,
99 течет;	течет,	Как в 1994
100 перешел;	перешел.	Как в 1994
105 Сразились —	Сразились.	Сразились. —
108 увенчал;	увенчал.	Как в 1994
109 поседельный,	поседельный;	Как в 1994
111 пределы:	пределы!	Как в 1994
117 отчизны,	отчизны!	Как в 1994
119 жизни...	жизни;	Как в 1994
120 пытал!	пытал!..	Как в 1994
125 Москва!	Москва,	Как в 1994
125 страшен,	стращен!	Как в 1994
129 обитала,	обитала	Как в 1994
132 прах;	прах.	Как в 1994
133 прекрасной,	прекрасной	Как в 1815
135 рощи —	рощи:	Как в 1994
136 молчит...	молчит.	Как в 1994
142 течь,	течь;	Как в 1994
145 трепетали,	трепетали	Как в 1994
147 пали...	пали.	пали. —
150 закон?	закон,	нет знака
151 троны,	троны?	Как в 1994
154 главой!	главой.	Как в 1994
156 златой;	златой.	Как в 1994
159 Он	он —	Как в 1994
159 гибель —	гибель,	Как в 1994
164 горит!	горит?	Как в 1994
165 О	О,	Как в 1815
168 времен!	времен.	Как в 1994
170 строй!	строй,	Как в 1994
172 золотой;	золотой!	Как в 1994

